

УДК 378.4+ 1

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ УНИВЕРСИТЕТЕ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

А. В. Смирнов

Воронежская государственная медицинская академия им. Н. Н. Бурденко

Проступила в редакцию 5 сентября 2013 г.

Аннотация: в статье предпринята попытка осмысления роли университета и высшего образования в целом в жизни общества и в его развитии. Особое внимание автор уделяет концептуально-мировоззренческой и социально-аксиологической функциям университета в современном мире; обосновывается стержневая роль высшего образования, в первую очередь университетского, в модернизации общества.

Ключевые слова: модернизация, образование, социальный институт, университет.

Abstract: in the article is given the attempt of comprehension of the university's role and the higher education in the life of society and its development. The author a special attention gives to conceptual view and to social and valuable functions of the university in the modern world. Firstly in the article is motivated the chief role of the higher education university in the modern society.

Key words: modernization, education, social institute, university.

В последние десятилетия в большинстве стран мира высшее (и не только высшее) образование переживает не лучшие времена: неуклонно снижается социальный престиж и общественная востребованность образования, уменьшается государственная поддержка, нарастает критика. Причины этого различны. Так, в России в качестве определяющей причины резкого снижения уровня и социального престижа образования чаще всего называется глубокий экономический кризис, однако, как представляется, причины кризиса высшего, особенно университетского, образования глубже и глобальнее. Одна из них связана с общей неопределенностью и недостаточной концептуальной от-refлексированностью смысла и социальной роли образования (в частности университетского) и духовности в современном глобальном мире [1].

В составе высшей школы доля университетов не более 10 %, но именно они выступают ведущим и системообразующим компонентом всего образования. Население и научно-педагогическое сообщество заинтересованы в их развитии не только в связи с повышенным спросом на университетское образование, но и потому, что университеты являются основной базой подготовки кадров для фундаментальной науки и научно-педагогических кадров для всей высшей школы. Любая модернизация должна опираться на университет при реализации стратегии обновления общества,

его культуры, политической системы и технологического контура страны. Именно университеты задают настрой всей системе высшего, и не только высшего, образования, выступают в роли культурно-образовательных центров [2].

В 1930 г. знаменитый испанский мыслитель Х. Ортега-и-Гассет прочел лекцию «Миссия университета», которая, на наш взгляд, явилась поворотной в понимании значения этих учебных заведений. В каком-то смысле современная ситуация перекликается с обстановкой 1930 г., хотя следует вспомнить и о тех мыслителях, которые задолго до Ортеги-и-Гассета искали ответ на очень непростой вопрос: зачем существуют университеты. Сегодня аналогичный вопрос – снова в фокусе общественного внимания. Более того, озвучена идея о том, что пятерка российских университетов должна входить в число 100 лучших университетов мира (сейчас в их число входит только МГУ им. Ломоносова: 50-й по репутационному рейтингу Times Higher Education и 80-й – по Шанхайскому рейтингу).

Интерес к университетам (даже можно сказать – спрос на университеты) – явление в истории не новое. Вспомним историю. Когда во время освобождения нидерландских провинций закончилась драматическая борьба Лейдена с армией Альбы, гёзы вошли в затопленный город, Вильгельм Оранский предложил городу на выбор какой-нибудь подарок, например, освобождение от налогов на длительное время. Горожане подумали и, отказав-

шись от столь щедрого предложения, заявили, что хотят *университет*. 400 лет спустя аналогичная история повторилась на просторах нашей страны: Алтайский край собрал невиданно большой урожай, в связи с чем генсек ЦК КПСС приехал вручить орден и в качестве поощрения предложил создать что-либо необходимое для края: мост, завод... Первый секретарь попросил *университет*. Таким образом, и в XX веке подтвердили: университеты нужны настолько, что ради их создания откладываются от насущных вещей.

Впервые вопрос об университетах обсуждали на рубеже XVIII и XIX веков, когда количество университетов в Европе сократилось почти вдвое. Возникли три основные точки зрения. Одну высказал отец политической экономии Адам Смит, вторую – Наполеон Бонапарт, а третью – Вильгельм фон Гумбольдт, который и создал, как представляется, неоклассическую модель университета. Мнение А. Смита состояло в следующем: не надо государству платить деньги профессорам университетов, им должны платить студенты, ибо только тогда спрос будет формировать предложение. Наполеон Бонапарт предложил другой подход: университеты нужны для того, чтобы производить узких специалистов, государство готово тратить деньги на это, но должно контролировать университеты. При этом наука должна быть отделена от университетов, ибо, что оплачивать в науке – непонятно. Наконец, В. Гумбольдт предложил свою альтернативу, разработав неоклассическую модель университета, сущность которой – синтез образования и науки. Университет трактуется как содружество студентов и преподавателей, обладающее автономностью, т.е. определенной свободой преподавания и свободой образования [3].

В современных дискуссиях можно найти следы всех трех позиций. Рыночный подход А. Смита у нас реализовался в 1990-х гг. в идее о том, что образование есть *услуга*, которая может быть измерена как услуга и как услуга оплачена. Получение высшего образования рассматривается властью как предоставление человеку существенной льготы на всю последующую жизнь: легче найти работу, более высокая оплата труда и т.д. В связи с этим человеку предлагается заплатить за гарантии будущего более обеспеченного существования. Таким образом, как замечает В. Е. Третьяков, государство стремится переместить центр тяжести по содержанию образовательной системы на население [4].

Взгляд Бонапарта просматривается в известной минфиновской позиции. Это представление о том, что должен быть *норматив финансирования* вузов, и тогда вся система выстраивается. По-

скольку государство платит деньги, то оно должно понимать, за что платит деньги, и контролировать того, кому их платит. Понятно преимущество позиции: надо производить не только тех специалистов, которые востребованы рынком. Это понимание образования как социально значимого блага – в обществе должен присутствовать определенный обязательный набор профессий, особенно, если оно стремится развиваться. Если в начале XIX в. «нормативный» взгляд еще был оправдан, то сейчас – вряд ли. Мы ведь понимаем, что на самом деле образование отнюдь не является совершенным рынком: с одной стороны, мы имеем здесь монополию (т.е. государство закупает некоторую деятельность университетов), с другой стороны – олигополию, т.е. не вполне конкурирующие между собой университеты, которые делят рынки; с третьей стороны, следует признать высокие транзакционные издержки перехода. Потому нормативы не ведут однозначно к успеху всей системы. Думается, этот взгляд мы тоже постепенно переживем. Однако остается открытым вопрос, зачем же нужны университеты? Если это не способ производства знания, которое потом человек продает и тем самым капитализирует, не способ создать некоторую комплексность в обществе и обеспечить его необходимыми профессиями, то для чего же они нужны?

Ответом на вопрос является то, что произошло со школой: то, что сделал отец педагогики Ян Амос Коменский, который создал классно-урочную систему, звонки, учебники. Но со временем стало очевидным, что Коменский создал нечто большее: он создал *промышленность*, хотя совершенно не собирался этого делать; создал некую организацию, задал некоторый ритм. Когда люди, таким образом сформированные, вышли в жизнь и занялись разными делами, от них пошла мануфактуры, потом «подтянулся» материальный фундамент и произошла промышленная революция. И не известно еще, что больше повлияло на промышленную революцию – технические изобретения или то, что у людей сформировалась некая система понимания и поведения, происходящая от отца педагогики, ставшего отцом современной промышленности. Получается, школа генерирует не только знания.

Думается, что в Пруссии это понимали лучше, чем во многих других местах. Когда О. Бисмарк сказал, что прусский учитель выиграл битву при Садовой, он имел в виду то *преобразование* нации, то *рождение* нации, которое осуществили и школа, и армия вместе. Потому что и школа, и армия оказались мощными механизмами социализации и модернизации, они совершенно изме-

нили немца, который в XVIII в. был мечтателен, не организован и участвовал в некой стихийной экономике. Никто в Европе не воспринимал немцев как опасность: что эти мечтатели могут сделать? К концу XIX в. оказалось, что они смогли создать государство и промышленность. Во многом это сделала именно школа.

В. Гумбольдт, формулируя свое понимание университета, которое реализуется сейчас в виде так называемых классических университетов континентального типа, континентальной традиции, понимал, что в них производится не только знание, а *что-то еще*. Чтобы понять и осознать *что*, важны были работы Дж. Ньюмена, К. Ясперса. Но, думается, нужен был еще Х. Ортега-и-Гассет, сформулировавший в своей лекции «Миссия университетов» несколько выводов, которые совершенно по-другому смотрятся сегодня, спустя 80 лет. Из его суждений можно выделить несколько парадоксов. Во-первых, он сказал, что университеты нужны не потому, что студенты разумны, а потому, что они *недостаточно* разумны: иначе бы они обучились сами. Во-вторых, он сказал, что университет пытается дать высшее образование среднему человеку, сделать из него классного специалиста. При этом университет неотделим от науки. Но ведь у обычного среднего человека *нет никаких причин* становиться ученым, и потому очень мало выпускников университетов становятся учеными. Имея в виду Испанию, он вообще сказал жесткую фразу, что наука вряд ли когда-нибудь будет сильным местом испанской нации, тем не менее наука в испанских университетах нужна так же, как в германских, британских или российских [5].

Что же, по существу, положил в основу своего понимания миссии университета Х. Ортега-и-Гассет? Это идея ограниченной рациональности. Теория ограниченной рациональности утверждает, что люди не боги, они с трудом собирают и осмысливают информацию, не обладают бесконечными калькулятивными и интерпретационными способностями. Эта идея принципиально важна для понимания университета. Из нее, в частности, следует, что В. фон Гумбольдт прав: университет призван стать неким содружеством студента и преподавателя, потому что студент не может обучиться сам. Но ключевая проблема университета – это способности студента. Кстати, современная социология это подтверждает: успешность университета на 40 % зависит от качества студентов; отсюда и проблема отбора в университеты, очень непростая проблема.

Теперь о втором парадоксе Ортега-и-Гассета, который связан с наукой. Здесь работает тот

же принцип ограниченной рациональности. Для чего нужна наука в университетах? Вовсе не для того, чтобы все студенты становились учеными. Наука задает картину мира. Главная цель университета, говорит Ортега-и-Гассет, – поставить человека вровень со своим временем, чтобы он это время понимал и ориентировался в нем [5]. Вопрос не просто в приобретении знаний, умений и навыков – это необходимо, но недостаточно. Человек должен, выйдя из университета, понимать, куда идти, для чего жить. Но почему же простое обучение оказывается, мягко говоря, несовершенным? Опять сошлюсь на то, что было доказано уже после лекции Х. Ортега-и-Гассета. В 1937 г. вышла нашумевшая статья Рональда Коуза о социальных издержках, которая потом привела к формулировке теоремы Коуза, создавшей абсолютно иную постановку проблемы выбора. Идея, что в социальном мире существуют транзакционные издержки, т.е. всегда существует сила трения, означает, что ни один нормативный проект не может быть осуществлен так, как он задуман. Мы всегда имеем мир, в котором могут реализоваться несколько проектов: либеральный, консервативный, социалистический, православный, мусульманский. Какие бы проекты не были, они закономерно не будут реализованы в том же формате и замысле, как это предполагается. Почему? Потому что транзакционные издержки всегда отличны от нуля, потому что в мире существует сила социального трения. Поэтому выбор состоит не в том, чтобы найти одно-единственное верное решение, а в том, чтобы непрерывно взвешивать различные сценарии движения. А это требует уже не идеологической рамки для университета, а *социокультурной*.

Сразу же подчеркнем, что здесь говорится о культуре в лотмановском смысле, т.е. не о том, что люди должны учиться искусству, музыке, рисованию, а о производстве смыслов, о ценностях и поведенческих установках. Культура здесь понимается как система жизненных идей о мире и человеке, которая должна направлять человеческое существование в хаосе и неоднозначности жизни. «Культура спасает от жизненного кораблекрушения, что позволяет человеку жить, даже если его жизнь трагична, бессмысленна и совершенно ничтожна. Мы как люди не можем жить без идей <...> мы есть наши идеи» [5].

В Великой Хартии университетов (1988) статья первая прямо говорит, что научные исследования, и даже образование являются *средством*, каналом, а университет – это учреждение, которое критическим образом создает и распространяет культуру. Именно поэтому он должен быть

морально и интеллектуально независим по отношению к политической и экономической власти, реализуя свою деятельность в области исследования и образования [7].

К сожалению, на сегодняшний день наличие диплома отнюдь не гарантирует, что человек в состоянии квалифицированно сделать операцию, дать квалифицированные советы и заключения в области экономики, защитить в суде или создать эффективный законопроект. Как же решить эту проблему? По крайней мере, не таким простым и прямолинейным способом, как ликвидация «плохих вузов». Вспоминая Р. Коуза, заметим: всегда существует решение, и даже не одно, просто надо их взвесить. Они все недостаточно хороши, но каждое имеет свои плюсы и минусы. Например, можно пойти по пути жесткого разделения бакалавриата и магистратуры. Нельзя иметь магистратуру университетам, которые не дотягивают до определенного стандарта. Можно искать решения, связанные с внешней аттестацией, будь то рейтинги или государственные способы оценки. Задача состоит не в том, чтобы уничтожить слабые вузы и оставить только выпуск хороших специалистов, а в том, чтобы сепарировать, различить. И поэтому не стоит пугаться, когда говорят, что будет прикладной бакалавриат, который раньше назывался техникум и считался средним образованием, а теперь будет считаться высшим. А бакалавриат будет, наверное, двух- или трех-летний, и не прикладной тоже. Это нормально. Но социальную функцию эти учреждения будут реализовывать.

Важной и перспективной особенностью современности является наметившийся поворот населения от образования узкоспециализированного к образованию университетскому, т.е. к образованию широкому и фундаментальному, позволяющему человеку легко адаптироваться к быстро меняющимся технологиям и условиям модернизации [4]. Именно университеты являются сегодня наиболее притягательными центрами высшего

профессионального образования. Мы видим, как в начале XXI в. складывается образ федеральных и региональных университетов, обеспечивающих непрерывность, фундаментальность и многоуровневость образования. Такие университеты способны оптимально сочетать образование по естественным, точным, гуманитарным и общественным наукам, иметь структурные подразделения довузовской подготовки, уникальные научные библиотеки, широкий доступ к мировым информационным ресурсам, прочные международные связи, необходимую сеть научных учреждений, полноценную аспирантуру и докторантуру, а также институты переподготовки и повышения квалификации преподавательских кадров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Руженцев С. Е. Духовность личности и образование / С. Е. Руженцев, А. В. Смирнов // Культура. Духовность. Общество : сб. материалов IV Международ. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С. С. Чернова. – Новосибирск : СИБПРИНТ, 2013. – С. 22–26.
2. Гришкова В. И. Университетское образование в современном мире / В. И. Гришкова // Современные проблемы науки и образования. – 2009. – № 2. – С. 25–26. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/29-1059>
3. Добренев В. И. Общество и образование / В. И. Добренев, В. Я. Негаев. – М. : Инфра-М, 2003. – 381 с.
4. Третьяков В. Е. Университетское образование : взгляд в будущее / В. Е. Третьяков. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/univman/msg/144977.html>
5. Ортега-И-Гассет Х. Миссия университета : пер. с исп. / Х. Ортега-И-Гассет. – М. : Изд. дом гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010. – 144 с.
6. Аузан А. Миссия университета : взгляд экономиста / А. Аузан. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2013/05/07/auzan/>
7. Великая Хартия европейских университетов. – Режим доступа: http://www.giop.ru/REOS/giep/blgn_trial.nsf/html/VELIKAYAHARTIYAUNIVERSITETOV

Воронежская государственная медицинская академия имени Н. Н. Бурденко

Смирнов А. В., кандидат политологических наук, доцент кафедры философии и гуманитарной подготовки

Тел.: 252-47-38

Voronezh State Medical Academy named after N. N. Burdenko

Smirnov A. V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Philosophy and Humanitarian Training Department

Tel.: 252-47-38